

*КОТОВ Александр Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии института международного транспортного менеджмента Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (Санкт-Петербург). Автор 50 научных публикаций, в т. ч. двух монографий**

ГАЗЕТА «БЕРЕГ» В 1880 ГОДУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОГО СИНТЕЗА

Газета «Берег» традиционно рассматривалась как радикально-консервативная. Она была основана при финансовой поддержке властей в 1880 году для противодействия либеральной и революционной пропаганде. Выходившее под редакцией П.П. Цитовича издание рассматривалось как альтернатива более самостоятельным «Московским ведомостям» М.Н. Каткова, но его направление в целом совпадало с катковским. Издание газеты с самого начала сопровождалось скандалами. В ходе полемики с подпольной печатью «Берег» нередко цитировал запрещенные статьи «Набата» и других революционно-демократических изданий, что вызывало законное недоумение чиновников цензурного ведомства. Газета подверглась резкой критике со стороны либеральной и левой печати. Издания национально-консервативного направления также отрицательно отнеслись к публицистической деятельности П.П. Цитовича, акцентируя внимание на беспринципности и корыстных мотивах профессора. После закрытия «Берега» разразился скандал, связанный с растратой выделенной на него правительственной субсидии. Однако на страницах газеты встречались и элементы позитивной программы: например, мысль о превращении раскольников в русское «третье сословие». Немало внимания уделял Цитович и вопросам образования – и здесь «Берег» закономерно шел в русле катковских изданий. Редакция постоянно подчеркивала свое согласие с либеральными ценностями, однако настаивала на том, что единственным подлинным их носителем в России является государство. П.П. Цитовича невозможно отнести к главным идеологам российского консерватизма, поскольку любая идеология была для него скорее инструментом. Впрочем, не был П.П. Цитович и беспринципным оппортунистом. Популярным для своей эпохи социалистическим увлечениям он противопоставлял либеральные ценности правового государства: уважение к собственности, законам, семье, правам личности.

Ключевые слова: *пресса, публицистика, газета «Берег», П.П. Цитович, газета «Московские ведомости», М.Н. Катков.*

*Адрес: 198035, Санкт-Петербург, ул. Двинская, д. 5/7; e-mail: akotov@inbox.ru

По меткому замечанию А.С. Суворина, история газеты «Берег» представляет собой «маленькую, но выдающуюся страничку русской журналистики» [1, с. 1]. К этой страничке сравнительно редко обращались историки. В.Г. Чернуха в своей монографии охарактеризовала это издание как «самую неудачную из попыток создания официозов» и расценила позицию газеты как «прямолинейно реакционную» [2, с. 120]. Поддержку подобных изданий властью советская исследовательница объясняла тем, что «правительство Александра II вполне сознательно ставило своей целью поддержку такой печати, которая выражала бы взгляды, разнящиеся с теми, что господствовали в высших бюрократических сферах, – более правые, нежели магистральное направление внутренней политики. Такая печать составляла бы выигрышный фон для умеренных преобразований самодержавия и взяла бы на себя задачу полемики с демократической <...> идеологией» [2, с. 123]. В схожем ключе трактовал недолгую историю «Берега» и Н. Емельянов [3]. В наше время П.П. Цитович оказался отчасти реабилитирован юристами, однако немногочисленные обращения к его публицистике не отличаются особенной обстоятельностью [4].

Свои охранительные взгляды и публицистический темперамент профессор Новороссийского университета П.П. Цитович проявил в конце 1870-х годов во время полемики, вызванной его брошюрой, направленной против народнической концепции общинного землевладения. Это было замечено в Петербурге, где нуждались в лояльной прессе, но тяготились независимостью и непримиримостью М.Н. Каткова. В июле 1879 года прошел ряд специальных совещаний Комитета министров, на которых было решено: «Ввиду постоянно и систематически вредного влияния периодической печати <...> согласно заявлению шефа жандармов обсудить вопрос об издании, при пособии от правительства, новой ежедневной газеты, которая находилась бы под его постоянным влиянием и руководством» [3, с. 76]. Неудачливый пред-

шественник Лорис-Меликова Л.С. Маков решил привлечь к изданию газеты П.П. Цитовича.

Однако дело с самого начала приобрело скандальный оборот. Уже в январе 1880 года Главное управление по делам печати обсуждало публикацию «Современных известий», в которой говорилось, что Цитович «уезжает в Петербург, где по приглашению комитета министров будет издавать всеобщую русскую газету “Берег” <...> Правительство, как говорят, выдало ему на первых порах субсидию в 100 000 рублей, открывает для него все портфели министров для всеобщего их разбора и будет способствовать распространению газеты во всех своих учреждениях. Теперь г. Цитович причислился к министерству юстиции, где, как говорят, займет видный пост». Редактор «Современных известий» Н.П. Гиляров-Платонов был вынужден держать ответ перед ведомством, сообщить последнему источник своих сведений и напечатать опровержение¹.

«Малая» печать встретила появление «Берега» с подлинным энтузиазмом. В числе прочих нападок на Цитовича цензоры обсуждали, к примеру, напечатанную в «Петербургском листке» непристойную эпиграмму о «миазмах», будто бы пошедших от случайно раскрытого в кафе номера «Берега»: «В большинстве органов нашей печати вошло в обычай преследовать насмешками людей, стоящих в печати за порядок и законность. Так как подобные насмешки не могут быть преследуемы судом, а между тем, оставаясь безнаказанными, производят несомненные вредные последствия, охлаждая и даже отталкивая от дела людей, действующих в интересах правительства, то, по мнению тайного советника Еленина, необходимо принимать какие-либо административные меры взыскания против подобных систематических нападок». Впрочем, некоторые оставшиеся в меньшинстве члены совета Главного управления предлагали «не принимать по поводу этого стихотворения никаких мер взыскания, так как, во 1-х, к Цитовичу отнеслась

¹РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 776. Оп. 6. Ед. 418. Л. 16 об.

несочувственно не одна эта газета, а почти вся периодическая печать, во 2-х, «Петербургский листок» принадлежит к области так называемой мелкой прессы, которую серьезная печать обыкновенно игнорирует, и в 3-х, правительство едва ли могло взять на себя защиту г. Цитовича против всех на него газетных нападков и выходов»².

На первых порах профессору удалось собрать достаточно сильную редакцию, ядром которой были журналисты Е.К. Рапп, П.А. Гильдебрандт и А.А. Дьяков-Незлобин – бывший нигилист, боровшийся с нигилизмом и после раскаяния сотрудничавший в катковских изданиях. На страницах своего печатного органа Цитович продолжил борьбу с «живой водой» революционной демократии. Там развивались и сопровождались колоритными иллюстрациями отдельные тезисы из предыдущих брошюр профессора, а общественная жизнь пореформенной России характеризовалась как «преобладающее торжество младенцев и распространяемого ими умственного измельчания и одичания» [5, с. 1]. «Надпольная» либеральная печать многократно обвинялась в содействии «подпольной» печати либо приравнивалась к ней. В целях полемики с нигилистами в газете нередко публиковались обширные выдержки из их прокламаций, что также вызывало законное недоумение чиновников Главного управления по делам печати.

Но встречались на страницах «Берега» и элементы позитивной программы: например, мысль о превращении раскольников в русское «третье сословие». Цитович отмечал «почти полное отсутствие у нас того третьего сословия, каким в западной Европе представляется буржуазия. А в этом сословии именно и крепки те начала, которые придают устойчивость и прочность государственному организму». «Материал для оформления подобного класса» профессор видел в 11 миллионах старообрядцев, отмечая «разнообразие форм, в которых проявляется экономическая деятельность раскольника», наличие у последнего «чувства корпо-

ративности», «интеллектуальных интересов» и «политической благонадежности» [6, с. 1].

Отвечая на обвинения в консерватизме, газета соглашалась причислить себя к этому лагерю, формулируя свое кредо следующим образом: «Мы верим в силу исторически выработанных принципов государственного и гражданского порядка, в их пригодность для охраны и развития человеческой личности с ее непреложными интересами и заветными стремлениями. А затем нас мало интересуют ходячие обозначения литературного жаргона, все эти извороты и повороты надоевшей фразеологии» [7, с. 1].

Газета подчеркивала, что выступает не против либерализма как такового, но против его «неправильных» проявлений на русской почве: «Мы желаем самого широкого распространения в обществе либеральных идей и осуществления их в практической жизни; не оспариваем их цивилизующего влияния, но при одном обязательном и неизбежном условии, чтобы представители либерализма на всех поприщах практической деятельности стояли в уровень со своей задачей, чтобы их образование и *политическое убеждение* были действительно и серьезны, а не служили бы блестящей декорацией, скрывающей внутреннюю немощь и ложь; чтобы либеральные идеи действительно проводились в жизнь, во всей их полноте без тенденциозных искажений и приспособлений. Инициатива такого полного либерализма у нас всецело принадлежит правительству в его реформаторской деятельности» [8, с. 1].

Такое признание в любви к либерализму не осталось незамеченным. Всегда критиковавший Цитовича П.А. Гайдебуров на страницах «Недели» отметил, что «вина» за «несколько изрядных мерзостей» Цитовича лежит также и на его оппонентах: «Они с такою яростью напали на г. Цитовича с самых первых шагов его на редакторском поприще и так азартно навязывали ему всякие мерзости, о которых он, быть может, еще и не думал, что простое приличие

²РГИА Ф. 776. Оп. 6. Ед. 418. Л. 124 об.

обязывало Цитовича в самом деле совершить какую-нибудь мерзость».

Гайдебуров указал на ряд публикаций «Берега», ставивших важные для общества вопросы: например, на статью «Земство и дворянство», в которой говорилось о серьезных проблемах местного самоуправления, оттоке из него кадров и нежелании общественных деятелей реализовывать свое честолюбие на местной почве. Гайдебуров, пусть и не без иронии, но все же попытался призвать печать к совместному с охранителями обсуждению подобных проблем: «Из этого, во всяком случае, вышло бы больше пользы, чем из приторно-трескучих восклицаний о “представителях мракобесия, желающих перещеголять мрачайшие эпохи истории” и тому подобных жупелах. И где это наши либералы так напрактиковались в красноречии!» [9, с. 1].

Немало внимания уделял Цитович и вопросам образования – и здесь «Берег» закономерно шел в русле катковских изданий. Правда, если Катков в своей публицистике агитировал за классическое образование, то для Цитовича введение и полезность последнего – уже свершившийся, очевидный факт. Основной акцент его газета сделала на критике современных реальных училищ, в которых отмечались как нехватка квалифицированных кадров, так и подмена образования политикой.

По мнению профессора, «реальное училище – все та же гимназия, т. е. общеобразовательное заведение, но с естественными науками вместо древних языков, притом заведение, обесиленное, искалеченное именно в его общеобразовательной роли <...> Рассадник полужнаний и негодности ни к чему <...> Их существование необходимо для разных либеральных отцов и недосмысленных матерей, которые, за неимением другого помещения для своих симпатий, антипатий и протестов, переносят все это в школу в ущерб будущности своих детей». Трудно сказать, отражали ли подобные обобщения реальное положение дел в данной сфере. Но, во всяком случае, очевидно, что Цитович и здесь не удержался от политизации той сферы,

о которой сам же писал: «Это страшное зло, когда в учебное дело привлекают политику, и притом политику мечтательную, в которой не судья лишь тот, кто не хочет» [10, с. 1].

Не менее интересна позиция «Берега» по национальному вопросу. Так, незадолго до своего закрытия газета поместила статью, посвященную «антисемитическому движению» в современной Германии. В тексте отмечалась несовместимость подобных настроений со «знаменем прогресса и политической свободы», отмечалось, что установление еврейского равноправия в России станет «довержением освободительного дела» [11, с. 1]. Ранее «Берег» подверг едкой критике либерально-националистические «Современные известия», указав последним, что «вспоминать кстати и некстати остзейских баронов, польских панов, еврейских шинкарей – еще не значит беречь знамя национальности» [12, с. 1]. Но одновременно газета Цитовича вслед за «Новым временем» и другими изданиями объяснила неудачную баллотировку в академики Д.И. Менделеева происками немцев [13, с. 1].

В 1890-е годы в письме к И.П. Корнилову Цитович уже излагает последовательно националистические тезисы. Он отмечает, «что подданные наши инородцы, которые бывало всегда уступали первенство русским, сели теперь нам на шею, возгордились своею будто бы высшею культурою и ставят себя выше нас <...> В наших неудачах виновато образованное наше сословие, правящее государственными и общественными делами нынешними <...> Насколько образованные люди Франции, Англии, Германии, Швеции и пр. национальны, – насколько национальна и их правительственная деятельность <...> Они искренне служат интересам своего народа и стремятся к одной цели; но как люди разных убеждений и направлений, – они различно смотрят на интересы и нужды своих государств и потому разделились на политические партии и стремятся к одной цели различными путями <...> Наше высшее образованное общество, напротив того, не имеет национальной солидарности. Оно представляет смешение различных,

отчасти исторически враждебных национальностей»³.

Впрочем, вряд ли следует однозначно относить Цитовича к убежденным националистам. Возможно, в цитируемом письме он подстраивался под вкусы адресата – известного борца с польским влиянием в Северо-Западном крае. Возможно, став киевским профессором, он и в самом деле попал под влияние тамошних настроений. Возможно также, что публикации «Берега» против антисемитизма были инициативой отдельных сотрудников, – Дьяков-Незлобин в своем знаменитом язвительном памфлете вспоминал о весьма халатном отношении Цитовича к своим редакторским обязанностям. Впрочем, подобный «оппортунизм» в национальном вопросе вовсе не обязательно является признаком непоследовательности, но вполне укладывается в русло катковского «бюрократического национализма» [14, с. 24–25].

Впрочем, другие издания и публицисты националистического «русского направления» появление «Берега» отнюдь не приветствовали. «Современные известия» Н.П. Гилярова-Платонова выдвинули против Цитовича обвинения, которые не раз потом довелось выслушать в свой адрес Л.А. Тихомирову: «Для г. Цитовича <...> евангелием служит “Набат” Ткачева, самого ярого из революционеров <...> Психологически это легко объясняется, если справедлива молва, что издатель “Берега”, подобно секретарю своей редакции, Дьякову-Незлобину, сам некогда принадлежал красному лагерю. Мы этим не думаем сказать, что гг. Цитович и Незлобин суть переодетые греки в лагере троянцев: ни, ни. Но самый искренний ренегат всегда остается до известной степени верен своему учителю и первоначальной школе, в которой воспитывался, – даже тогда, когда он с ними спорит. Он отвергает их выборы теоретические и практические, но не в силах сойти с основания, которое у них общее».

Не обращая никакого внимания на то, что взгляды Ткачева «Берегом» ожесточенно крити-

ковались, «Современные известия» трактовали эту ненависть по-своему: «Ткачев, о котором г. Цитович говорит с почтительным страхом, как иной молодой человек о строгом учителе своего детства <...> с людьми, которые на Россию и ее положение смотрят через очки Ткачева, трудно договориться» [15, с. 2].

Негативно воспринял публицистическую деятельность Цитовича лидер славянофильского «лагеря». В сентябре 1880 года И.С. Аксаков написал: «Если для России существует опасность, так в реакции, в возобновлении репрессивных мер, лежащих всегда своей тяжестью на честных людей <...> На мой взгляд, самый опасный враг – это Цитович с его “Берегом”, постоянно пугающим и без того напуганных властителей. Всякая реакция репрессивного свойства расчищает место для нигилизма» [16, с. 172].

Несколько иначе отнесся к одесскому профессору К.Н. Леонтьев. Нуждавшийся в средствах «буревестник русской реакции» сначала надеялся на то, что с Цитовичем, «судя по “Берегу”, можно сойтись» [17, с. 142]. Позже, когда газета уже закрылась, Леонтьев пришел к иному выводу: «Г. Цитович неискренний человек, не убежденный, не православный и бездарный. – Это было видно почти с первых номеров “Берега”. – Бездарность его блистала на каждом шагу <...> В “Береге” все было или бесцветно, или до гадости грубо (например, статьи Дьякова-Незлобина)» [18, с. 13–14].

«Берег», конечно, не обладал харизмой «Московских ведомостей» – не случайно Гайдебуров характеризовал общий тон газеты как «береговое журчание». После закрытия издания финансово обиженные сотрудники обвинили Цитовича в присвоении остатков выделенных средств.

А.С. Суворин, публикуя в «Новом времени» памфлет Дьякова-Незлобина, предположил ему свое пространное размышление о принципиальной невозможности создать в России тайно субсидируемую проправительственную печать: «...у нас это, очевидно, сделалось по-своему,

³РГИА. Ф. 970. Ед. 634. Л. 2.

добродушно, неумело и даже застенчиво. Нашли человека, дали ему денег, устроили типографию и квартиру, пообещали разнообразное сотрудничество и делай что хочешь, и как хочешь. Обещания, разумеется, не были исполнены. <...> Таким образом, выходило, что «Берег» был как бы даже не официозной газетой, а просто какою-то наградой г. Цитовичу за его литературные труды. <...> Вообще это было что-то непонятное, неуклюжее, дрянное; между тем даровитость г. Цитовича как профессора, по крайней мере, не подлежит сомнению. Но в газете все это исчезло: все свободные аллюры его, вся его злость, иногда очень пикантная, и столь обратившая на него внимание как на автора брошюр, – все это сменилось чем-то кислым, связанным, ничтожным. Чтоб убить г. Цитовича, чтоб отнять у него всякое значение, чтоб обратить в прах все его брошюры, все их доказательства и искренность, ничего лучше нельзя было сделать, как создать ему «Берег», о который он и расшиб себе лоб» [1, с. 1].

Сам Дьяков-Незлобин в своем памфлете дал бывшему редактору уничтожающую характеристику: «Меня могут спросить, что же делал сам г. Цитович? Решительно ничего. Он приехал на какую-то аренду, или ренту, нанимал за себя редакторов и сотрудников, разгонял их, брал новых и тех разгонял, наконец, всех разогнал и сам убежал. Больше всего читал книжку и спал. После обломовского сна сон в редакции «Берега», без сомнения, был самым капитальным, классическим <...> Не считаю себя вправе умолчать о том, какое воспитательное влияние имел «Берег» на жителя-корреспондента. Масса поступавших в редакцию рукописей носила вполне очевидный характер подделки под консерватизм, страшного усердия в средствах и способах «искоренения крамолы», а один из иностранных корреспондентов просил даже денег для поимки очень важного политического преступника, которого он может выдать головой, а через него можно узнать все тайны революционной организации.

Г. Цитович не читал ни газет, ни писем, ни рукописей, поступавших в редакцию, и таким образом избавлялся от множества бестолковых недоразумений, невольно возбуждавших такие же бестолковые упреки». Но главным злом Незлобину представлялось чрезмерное внимание редактора к финансовым вопросам: «Легче же всего было разочаровать его в личных достоинствах, попросивши авансом денег хоть рубль серебра, или заработав в газете построчной платы больше профессорского жалованья <...> Это для него был абсурд непримиримый, возмутительный» [1, с. 2].

В начале 1881 года тот же Дьяков-Незлобин опубликовал в «Новом времени» цифры, тут же перепечатанные «Современными известиями» под заголовком «Во что обошелся казне «Берег»». Публикация завершалась обвинением в присвоении казенных средств: «Остается в кармане г. Цитовича 56 555 р. + от продажи типографии 7000 и от продажи мебели 1000 р., – всего 64 553 р. с. Цифры эти взяты мною из редакционных книг для некролога «Берега», который не замедлю опубликовать. Теперь же считаю нужным прибавить только то, что ни я, ни кто другой из сотрудников «Берега», кроме г. Цитовича, не принимал никакого участия в дележе остатка 64 556 руб.» [19, с. 2]

После закрытия газеты профессора даже вызывали в полицию по делу о растрате, но благодаря заступничеству высокопоставленных покровителей дело удалось замять, и профессор благополучно выехал во Францию. Несколькими годами спустя бывший редактор обратился к П.А. Валугеву за содействием в устройстве на кафедру киевского Университета св. Владимира и, в частности, писал следующее: «Ваше превосходительство были свидетелем и тех случайных условий, при которых с первых же дней было скомпрометировано дело, само по себе благоразумное и нужное: все правительства Европы, начиная от революционного Comite de Salut public и кончая канцелярией Бисмарка успешно делали то, что [нрзб] русского правительства «новой эры»»⁴.

⁴РГИА. Ф. 908. Ед. 660. Л. 3.

В 1884 году Цитович прибыл в Киев, где приступил к чтению лекций и сотрудничеству в «Киевлянине». Громких историй с его участием больше не происходило – наоборот, киевским студенчеством он был принят хорошо. Так, в январе 1886 года С.Я. Надсон писал из Киева: «Вообразите себе, здесь решительно не происходит никаких событий, – точно щедринская сторонка, в которой “нравов и обычаев” не имеется. Разве рассказать Вам о том, что киевские студенты, с представителями которых я тут познакомился, без ума от Цитовича, делают ему овации, приглашают его на свои пирушки и целуются с ним. Когда я выразил одному из этих современных героев мое удивление по этому поводу, он ответил мне, что Цитович – украшение их университета» [20, с. 42].

В начале 1890-х профессор участвовал в написании знаменитой антигоремыкинской брошюры С.Ю. Витте «Самодержавие и земство». В ней критиковались земские учреждения, однако заявлялось о нецелесообразности их ликвидации до модернизации местной государственной администрации. В 1894 году Цитовича вновь вызвали в Петербург – на этот раз в качестве члена Совета министра финансов и председателя созданной Витте комиссии по

пересмотру законодательства о биржах и акционерных обществах [21, с. 276–281].

П.П. Цитовича нельзя причислить к ведущим идеологам отечественного консерватизма. Очевидно, что любая идеология носила для профессора скорее инструментальный характер. С другой стороны, не был он и лишенным принципов приспособления. Популярным социалистическим увлечениям своего времени он противопоставлял вполне либеральные ценности правового государства: уважение к собственности, законам, семье, правам личности. Человек либерально-позитивистского склада, он трезво оценивал как роль государства в русской жизни, так и способность местного общества к созидательной деятельности. Возможно, сам профессор и считал, что своей публицистической деятельностью сможет убедить либеральную интеллигенцию «смириться и трудиться», но слухи о казенной субсидии и взятый газетой тон лишили эту задачу перспективы. В сущности, в «охранители» Цитовича толкнуло личное самолюбие в сочетании с нетерпимостью и незрелостью тогдашней демократической журналистики. Эти же факторы помешали ему превратить «Берег» в орган чаемого С.Ю. Витте «здорового» либерального консерватизма.

Список литературы

1. Суворин А.С. Как утопили «Берег» // Новое время. 1881. № 1753. 14 янв. С. 1–2.
2. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70-е гг. XIX в. Л., 1989. 207 с.
3. Емельянов Н. Из истории русских официозов 1879–1880 гг. // Вопр. журналистики. 1960. Вып. 2. Кн. 2. С. 78–80.
4. Желдыбина Т.А. П.П. Цитович и развитие дореволюционной публицистики в России // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2011. № 6(82). С. 57–60.
5. Передовая статья // Берег. 1880. № 256. 7 дек. С. 1–2.
6. Передовая статья // Берег. 1880. № 4. 18 марта. С. 1–2.
7. Передовая статья // Берег. 1880. № 1. 15 марта. С. 1–2.
8. Передовая статья // Берег. 1880. № 27. 11 апр. С. 1–2.
9. Передовая статья // Неделя. 1880. № 12. 23 марта. С. 1–2.
10. Передовая статья // Берег. 1880. № 194. 5 окт. С. 1–2.
11. Передовая статья // Берег. 1880. № 234. 14 нояб. С. 1–2.
12. Передовая статья // Берег. 1880. № 14. 29 марта. С. 1–2.
13. Берег. 1880. № 236. 16 нояб. С. 12.
14. Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013. 145 с.
15. Передовая статья // Современ. изв. 1880. № 89. 31 марта. С. 1.
16. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. 784 с.

17. Пророки византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. 724 с.
18. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. СПб., 2007. Т. 8(1). 639 с.
19. Во что обошелся казне «Берег» // Современ. изв. 1881. № 21. 22 февр. С. 2.
20. Российская-Кожневникова М.А. Воспоминания о С.Я. Надсоне // Рус. мысль. 1912. № 1. С. 30–71.
21. Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917). СПб., 2004. 575 с.

References

1. Suvorin A.S. Kak utopili “Bereg” [How *Bereg* Was Destroyed]. *Novoe vremya*, no. 1753, 14 January 1881, pp. 1–2.
2. Chernukha V.G. *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati 60–70-e gg. XIX v.* [Government Policy on Press in the 1860s – 70s]. Leningrad, 1989. 207 p.
3. Emel'yanov N. Iz istorii russkikh ofitsiozov 1879–1880 gg. [From the History of Russian State Press in 1879–1880]. *Voprosy zhurnalistiki*, 1960. Iss. 2. Book 2, pp. 78–80.
4. Zheldybina T.A. P.P. Tsitovich i razvitie dorevolutsionnoy publitsistiki v Rossii [P.P. Tsitovich and Development of Pre-Revolutionary Publicism in Russia]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2011, no. 6(82), pp. 57–60.
5. Editorial. *Bereg*, no. 256, 7 December 1880, pp. 1–2.
6. Editorial. *Bereg*, no. 4, 18 March 1880, pp. 1–2.
7. Editorial. *Bereg*, no. 1, 15 March 1880, pp. 1–2.
8. Editorial. *Bereg*, no. 27, 11 April 1880, pp. 1–2.
9. Editorial. *Nedelya*, no. 12, 23 March 1880, pp. 1–2.
10. Editorial. *Bereg*, no. 194, 5 October 1880, pp. 1–2.
11. Editorial. *Bereg*, no. 234, 14 November 1880, pp. 1–2.
12. Editorial. *Bereg*, no. 14, 29 March 1880, pp. 1–2.
13. *Bereg*, no. 236, 16 November 1880, p. 12.
14. Kotov A.E. *Ptentsy gnezda Katkova* [Katkov's Followers]. St. Petersburg, 2013. 145 p.
15. Editorial. *Sovremennye izvestiya*, no. 89, 31 March 1880, p. 1.
16. Fetisenko O.L. “*Geptastilisty*”: *Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki* [Adherents of Heptastylism: Konstantin Leontyev, His Conversation Partners and Followers]. St. Petersburg, 2012. 784 p.
17. *Proroki vizantizma: perepiska K.N. Leont'eva i T.I. Filippova (1875–1891)* [The Prophets of Byzantinism: Correspondence Between K.N. Leontyev and T.I. Filippov (1875–1891)]. St. Petersburg, 2012. 724 p.
18. Leont'ev K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Complete Works and Letters: In 12 Vols.]. St. Petersburg, 2007. Vol. 8(1). 639 p.
19. Vo chto oboshelsya kazne “Bereg” [How Much *Bereg* Cost to the State]. *Sovremennye izvestiya*, no. 21, 22 February 1881, p. 2.
20. Rossiyskaya-Kozhevnikova M.A. Vospominaniya o S.Ya. Nadsone [Memories of S.Ya. Nadson]. *Russkaya mysl'*, 1912, no. 1, pp. 30–71.
21. Lizunov P.V. *Sankt-Peterburgskaya birzha i rossiyskiy rynek tsennykh bumag (1703–1917)* [Saint Petersburg Stock Exchange and Russian Stock Market (1703–1917)]. St. Petersburg, 2004. 575 p.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.32

Aleksandr E. Kotov

Institute of International Transport Management,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
5/7 Dvinskaya St., St. Petersburg, 198035, Russian Federation;
e-mail: akotov@inbox.ru

NEWSPAPER *BEREG* IN 1880: HISTORICAL EXPERIENCE OF THE LIBERAL-CONSERVATIVE SYNTHESIS

Bereg has traditionally been regarded as a radical conservative newspaper. It was founded with the financial support of the authorities in 1880 to counter liberal and revolutionary propaganda.

ИСТОРИЯ

Its editor, P.P. Tsitovich, was seen as an alternative to the more independent M.N. Katkov, editor of *Moskovskie vedomosti*, even though their ideologies were rather similar. Already from the start, the publication of the newspaper was accompanied by scandals. Debating with the underground press, *Bereg* often quoted banned articles from *Nabat* and other revolutionary-democratic papers, raising eyebrows among censorship officials. *Bereg* was criticized by the liberal and left press, along with national conservative papers, which condemned Tsitovich for the lack of integrity and self-serving motives. Another scandal erupted after *Bereg* was banned: Tsitovich was accused of embezzlement of government funding. Nevertheless, his newspaper included some elements of the liberal-conservative programme, such as the idea of turning dissidents into the Russian third estate. It should also be mentioned that *Bereg* paid much attention to the issues of education, quite in line with Katkov's views. Tsitovich continually stressed his solidarity with liberal values while insisting that in Russia they are represented by the state power. However, Tsitovich cannot be counted among the leading ideologists of Russian conservatism, as any ideology was more of a tool for him; neither was he an unprincipled opportunist. Popular socialist ideas of his time Tsitovich countered with liberal values of the law-governed state: respect for property, law, family, and rights of the individual.

Keywords: *press, political journalism, Bereg, P.P. Tsitovich, Moskovskie vedomosti, M.N. Katkov.*

Поступила: 16.12.2015